

Фрик Татьяна Борисовна

ПИСЬМО В ПОЭТИЧЕСКИХ И ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. М. КАРАМЗИНА

Статья посвящена проблеме определения специфики бытования эпистолярного жанра в наследии Н. М. Карамзина. Эпистолярность рассматривается как неотъемлемая характеристика карамзинского творческого метода. На основе анализа поэтических и прозаических произведений писателя сделаны выводы о формах проявления эпистолярности, их основных функциях, а также характере взаимосвязи письма как художественной формы с реальной эпистолярной практикой Н. М. Карамзина.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 68-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Весёлые картинки** [Электронный ресурс]. М.: Издательский дом «Весёлые картинки», 2013-2015. URL: <http://www.veselyekartinki.ru/main/index.html> (дата обращения: 02.04.2015).
7. **Волкова В. В., Газанджиев С. Г., Галкин С. И., Ситникова Е. В., Тарбеев А. В.** Дизайн периодических изданий: учебное пособие. М.: Ф-т журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2014. 152 с.
8. **Волшебницы WINX** [Электронный ресурс]. М.: Эгмонт Россия, 2013-2015. URL: <http://www.egmont.ru/magazines/volshebnytsyi-winx/?year=2014> (дата обращения: 28.03.2015).
9. **Ворошилова М. Б.** Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Екатеринбург: УрГПУ, 2006. Вып. 20. С. 180-189.
10. **Ганкина Э. З.** Русские художники детской книги. М.: Советский художник, 1963. 280 с.
11. **Казак М. Ю.** Специфика современного медиатекста [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ. 2012. № 6. С. 30-41. URL: <http://www.discourseanalysis.org/ada6.pdf> (дата обращения: 15.09.2015).
12. **Колесова Л. Н.** Детские журналы России. XX век. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 372 с.
13. **Корда О. А.** Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики [Электронный ресурс]: автореферат дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2013. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18959/1/urgu1208s.pdf> (дата обращения: 24.09.2015).
14. **Муратов М. В.** Книжное дело в России в XIX и XX вв. М. – Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1931. 280 с.
15. **Мурзилка** [Электронный ресурс]. М.: ЗАО «Редакция журнала “Мурзилка”», 2013-2015. URL: <http://www.murzilka.org> (дата обращения: 19.05.2015).
16. **Пахомов А. Ф.** Художник в детской книге // Детская литература. 1939. № 4. С. 54-58.
17. **СанПиН 2.4.7.-960-00. 2.4.7. Гигиена детей и подростков. Гигиенические требования к изданиям книжным и журнальным для детей и подростков. Санитарные правила и нормы (с изм. от 28.10.2010) (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 04.10.2000)** [Электронный ресурс]. М.: Федеральный центр Госсанэпиднадзора Минздрава РФ, 2001. 21 с. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98072/ (дата обращения: 01.02.2015).
18. **Смешарики** [Электронный ресурс]. М.: Эгмонт Россия, 2013-2015. URL: <http://www.egmont.ru/magazines/smeshariki/about/> (дата обращения: 17.03.2015).
19. **Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.** Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Безменова Н. А., Белянин В. П., Богомолова Н. Н. [и др.]. Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р. Г. Котов; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1990. С. 180-186.
20. **Тачки** [Электронный ресурс]. М.: Эгмонт Россия, 2013-2015. URL: <http://www.egmont.ru/magazines/tachki/about/> (дата обращения: 23.03.2015).
21. **Холмов М. И.** Становление советской журналистики для детей. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. 209 с.

ILLUSTRATION AS A VISUAL COMPONENT OF THE CONTENT OF CHILDREN'S PUBLICATIONS

Sitnikova Ekaterina Vital'evna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
slovobook@mail.ru

The article deals with a topical issue concerning the role of illustration as a component of creolized media-text in the design of modern children's books, its interrelation with verbal text and the peculiarities of its perception by the recipient. Illustration as a part of creolized media-text is considered for the first time by the material of children's book and magazine publications. Particular attention is paid to trends in the modern market of children's printed media.

Key words and phrases: illustration; creolized text; verbal text; children's magazine; children's book; design of edition; illustrating.

УДК 82-65:821.161.1(091)

Статья посвящена проблеме определения специфики бытования эпистолярного жанра в наследии Н. М. Карамзина. Эпистолярность рассматривается как неотъемлемая характеристика карамзинского творческого метода. На основе анализа поэтических и прозаических произведений писателя сделаны выводы о формах проявления эпистолярности, их основных функциях, а также характере взаимосвязи письма как художественной формы с реальной эпистолярной практикой Н. М. Карамзина.

Ключевые слова и фразы: эпистолярность; письмо; послание; эпистолярный жанр; Николай Михайлович Карамзин; пишущий герой.

Фрик Татьяна Борисовна, к. филол. н.
Томский политехнический университет
tfrik@tpu.ru

ПИСЬМО В ПОЭТИЧЕСКИХ И ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. М. КАРАМЗИНА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00179.

Особый статус письма, как реального, так и фикционального, в культуре и литературе рубежа XVIII-XIX вв., его эстетическая, философская, содержательная нагрузка определяют меру исследовательского интереса к данному явлению, а также разнообразие подходов к его изучению. В настоящее время наблюдается тенденция увеличения количества работ, направленных как на рассмотрение отдельных проблем бытования письма, так и на комплексный анализ эпистолярного наследия того или иного литератора. Эпистолярный текст все чаще

рассматривается как «дискурс, втягивающий в себя не только бытовые и литературные, но и шире – экзистенциальные феномены» [12, с. 460]. Конечно, рассмотрение данного феномена, тем более в контексте указанного периода развития литературы и культуры России, невозможно без обращения к творчеству Н. М. Карамзина.

Данная работа, невзирая на локальность заявленной темы, встраивается в ряд исследований, посвященных актуальному вопросу определения специфики бытования эпистолярного жанра в карамзинском наследии. Несмотря на то, что в последнее время эта проблема достаточно активно разрабатывается [8; 9, 13], остается ряд аспектов, требующих исследовательского внимания, в частности это рассмотрение проявлений эпистолярной поэтики в художественных произведениях Н. М. Карамзина. Феноменальность его эпистолярного творчества заключается в многообразии задач, возложенных писателем на эпистолярную форму, к тому же особое звучание эта тема получает из-за тесной взаимозависимости частных писем Н. М. Карамзина и его художественных текстов.

Эпистолярность является неотъемлемым качеством карамзинского творческого видения, ее сущность определяется характером творчества писателя, его авторской эволюцией. Под эпистолярностью в данном случае понимается «качество литературного текста, как реализация ряда атрибутов, характерных для эпистолярных текстов в языковом, структурно-композиционном, тематическом и идейном плане» [1, с. 130-131]. Письмо как форма, как элемент сюжета, как мотив, как способ авторского диалога с читателем, как принцип организации текста играет заметную роль в поэтических и прозаических текстах писателя. Такое внимание Н. М. Карамзина к эпистолярной форме, с одной стороны, обусловлено культурным и литературным контекстом эпохи, с другой стороны, его собственным творческим методом, в основе которого установка на диалог, направленный на единение душ, чувств и мыслей адресата и адресанта. Письмо – это та форма, которая позволяла решить поставленную автором задачу. Еще одной особенностью карамзинской поэтики, которую необходимо учитывать при разговоре об эпистолярности его творчества, является размытость жанровых границ: «Свободным использованием элементов жанра Карамзин осваивает его дух: эмоциональную атмосферу, тональность, колорит, смысловую наполненность» [14, с. 20]. Неслучайно до сих пор дискуссионным остается вопрос о жанровой природе «Писем русского путешественника» [3, с. 77-604]. Расширение границ жанра письма, игра с его элементами на разных уровнях текста позволяет включать в единый контекст исследования поэтические произведения Н. М. Карамзина, его повести, публицистику и частную переписку.

Одним из ярких проявлений эпистолярного жанра на рубеже XVIII-XIX в. становится стихотворное послание, которое по своей функции является инвариантом дружеского письма, оно вбирает в себя базовые жанровые признаки дружеской переписки: моделирует ситуацию разговора двух друзей, совмещая в себе описание беседы и одновременно сам процесс написания письма. Традиционно культуру дружеского послания связывают с пушкинским творчеством, существованием арзамасского кружка, при этом карамзинская традиция фиксируется как данность и не становится предметом отдельного рассмотрения в аспекте эпистолярной поэтики, несмотря на то, что внушительное количество стихотворений данного автора являются посланиями, а некоторые из них поэтическими фрагментами реальных писем к друзьям («Но что же скажем мы о времени прошедшем?», «Любовник Флоры не играет...» и др. [5]). Интересно также и то, что взаимопроникновением поэзии и прозы характеризуются художественные произведения, написанные в эпистолярной форме, так, например, «Письма русского путешественника» включают девятнадцать поэтических фрагментов.

Послания Н. М. Карамзина, несмотря на свою литературную, поэтическую природу, имеют теснейшую взаимосвязь с прозой жизни, что отразилось в их поэтике. Одной из ярких особенностей Карамзина как поэта является прозаизация стиха [6, с. 27], что особенно хорошо видно при сопоставлении реальных писем и его стихотворных посланий, в которых происходит имитация беседы близких по духу и чувству людей. Поэтика дружеского эпистолярного жанра в стихотворных посланиях Н. М. Карамзина подчеркивается и особым характером названий: «Мишеньке», «К Д**», «К Мелодору в ответ на его песнь любви», «Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду Великой Екатерине», и выбором формы обращения к адресату, а также указанием на диалогический характер текста: «Мой друг! <...> Ты хочешь с музою моею / В свободный час поговорить?» («Послание к Александру Алексеевичу Плещееву») [5, с. 140]; «Итак, ты хочешь песни, / Любезный, милый отрок?» («Мишеньке») [Там же, с. 81].

Особый интерес в контексте разговора об эпистолярности карамзинского художественного творчества вызывает своеобразный диалог между прозаическими произведениями, написанными в эпистолярной форме, и поэтическими посланиями. Ярким примером в этом смысле является «переписка» Филалета и Мелодора, продолженная в «Разговоре о счастии» и в послании «К Мелодору в ответ на его песнь любви», все эти тексты являются примером сложной и в содержательном, и в формальном смысле реализации эпистолярного жанра в творчестве Н. М. Карамзина. Ситуация дружеского диалога, разговора между любителем истины и дарителем песен, воплощенная посредством письма, одновременно является и демонстрацией противоречий и эволюции творческих и философских взглядов автора [2, с. 34-37], и отражением принципов работы писателя с эпистолярной формой, характера наложенной на нее функциональной нагрузки. Письма Мелодора и Филалета, несмотря на свою подчеркнутую интимность и сентиментальную дружественность, – это статьи-письма, «Разговор о счастии» – письмо-трактат. Они, выходя за рамки интимности и информативности письма, приглашали к диалогу широкую карамзинскую аудиторию, воплощая в себе одновременно и авторское мировоззрение, и образ создаваемого им адресата.

В исследовательской литературе выделяется такое свойство прозаических произведений Н. М. Карамзина, как эксплицированная ориентация на фиктивного читателя [10, с. 8], который «предстает лишь как подразумеваемый образ адресата» [15, с. 96]. Однако рассмотрение всего творческого наследия писателя сквозь призму эпистолярности позволяет сделать вывод о том, что образ воображаемого адресата – неотъемлемый элемент любого карамзинского произведения, в том числе его поэтических посланий и частной переписки.

Также справедливо по отношению ко всему творчеству писателя, включая его частную эпистолярную практику, утверждение об особом этическом содержании его прозаических произведений, в центре которых личность «высококонрастного, совестливого, чувствительного к радостям и страданиям других людей человека, бережно возвращающего в своем сердце “страсть к добру” и “желание всеобщего блага”» [10, с. 7].

В этом отношении интересно совпадение авторской стратегии, проявившейся в одах властителем, которые, безусловно, могут быть отнесены к скрытым посланиям [7, с. 12]. Речь идет об «Оде на случай присяги московских жителей его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому», а также стихотворениях «Его императорскому величеству Александру I, самодержцу всероссийскому, на восшествие его на престол», «На торжественное коронование его императорского величества Александра I, самодержца всероссийского», и реальных письмах Н. М. Карамзина к членам царствующего дома. И в том и другом случае адресату – правителю – предлагается идеальная, с точки зрения автора, поведенческая модель, своеобразное руководство к действию.

Карамзинские поэтические послания – это послания-напутствия монархам, приступающим к управлению государством. В них очень силен дидактический пафос, который также будет определяющим в личной переписке Карамзина с Александром I, здесь эпистолярная форма, с одной стороны, предоставляла возможность открытого диалога с монархом, с другой – позволяла конструировать его идеальный образ, который посредством писательского слова должен был быть присвоен адресатом послания или письма. В посланиях и письмах воплотилась карамзинская идеология монаршей власти, которая практически не претерпела изменений в процессе его творческого пути. Идеальный монарх в оде на случай присяги Павла Первого – «наш отец; / Он добр и любит россос нежно!» [5, с. 184], этот образ вновь возникает в поэтических посланиях к Александру I («Россия есть твое семейство: / Среди нас ты среди сынов» [Там же, с. 260]) и позднее в личных письмах к императору: «Любите людей, но еще более любите россиян, ибо они и люди, и Ваши подданные, дети вашего сердца» [4, с. 10]. Таких примеров при детальном сопоставлении поэтических произведений и реальных писем можно найти множество, причем косвенными посланиями царю становятся и письма к другим адресатам Н. М. Карамзина, в них также в традициях поэтических посланий автором создается желаемый образ монарха.

Нельзя, конечно, не сказать о том, что послание и письмо как форма диалога с властителем являлось для Н. М. Карамзина актом проявления гражданской позиции, воплощением гражданского поступка, а в определенной ситуации – собственно поступком. В посланиях помимо образа адресата создается образ автора, воплощающего особое поведенческое кредо, которое в дальнейшем будет последовательно поддерживаться в частной переписке с монаршим домом. Ср.: «Монарх! В последний раз пред троном / Дерзнул я с лирою предстать; / Мне сердце было Аполлоном: / Люблю хвалить, но не ласкать; / Хвалил, глас общий повторяя. <...> Я в храм Истории иду, / И там дела твои найду» [5, с. 268-269]; «Историк России может гордиться своим предметом так же, как Россия может славиться добродетелями Вашими» [4, с. 27]; «Дерзаю говорить искренно пред Вашим Императорским Величеством: это дано мне природою и утверждено десятилетнею привычкою Историографа» [Там же].

Как поступок необходимо рассматривать письмо Н. М. Карамзина Александру I от 17 октября 1819 г., позднее озаглавленное им как «Мнение русского гражданина» [Там же, с. 9-12]. Оно вобрало в себя поэтику и идеологию ранних поэтических посланий Карамзина к царю. Являясь письмом по сути, этот текст, безусловно, имеет сложную жанровую структуру, поскольку включает в себя и, как уже было отмечено, риторику высокого поэтического послания-оды, и политического трактата, и воззвания и публичной речи. Тем более примечательно, что данное письмо стало частью реального разговора Карамзина и Александра I (как известно, оно было прочитано царю автором в ходе их частной беседы, содержание которой очень долго скрывалось последним (см. записку Н. М. Карамзина «Для потомства» [Там же, с. 13])). Письмо в данном случае явилось во всех смыслах поведенческим текстом, поэтому так важно было для Н. М. Карамзина подчеркнуть, что написано оно русским гражданином, историографом. Здесь эпистолярный текст является и фактом литературы, и площадкой жизнестроительства для его автора.

Эпистолярность прозаических произведений Н. М. Карамзина находит отражение как в их структуре, так и в содержании. На основании анализа включенных в тексты эпистолярных элементов можно сделать выводы о функциях письма в развитии сюжета, характеристике героев.

Одним из важных принципов карамзинского прозаического повествования является намеренное смешение «воображаемого» и «реального» [10, с. 11]. Художественный текст за счет расширения его границ, включения в него элементов диалога с читателем тесно связан с самой объективной реальностью, он воспринимается читателем как «образ подлинной жизни», часто «более сильный, острый и убедительный, чем сама жизнь» [11, с. 83]. Особую роль в размыкании художественного текста в реальность играют элементы эпистолярного жанра. При этом важно отметить, что это не однонаправленный процесс: комплексный анализ наследия Н. М. Карамзина позволяет говорить о взаимозависимости его художественной прозы и частных писем.

В карамзинской прозе особую роль играет пишущий автор-герой, с которым связаны различные проявления эпистолярности, являющиеся в том числе способом подтверждения реальности описываемого. Квинтэссенцией данного образа стал, конечно, образ автора-героя в «Письмах русского путешественника», но и в повестях Н. М. Карамзина он проявляется в том числе через мотивы письма и его формальные элементы, например, через обращения к «адресату»: «Ах! Для чего пишу (*курсив наш – Т. Ф.*) не роман, а печальную *быль?*» («Бедная Лиза» [3, с. 618]); «Но гром собирался над нами... *Рука моя трепещет!*» («Сиера-Морена» [Там же, с. 678]); «*Друзья!* <...> Вы знаете, что я странствовал в чужих землях... Слушайте – я повествую – *повествую истину, не выдумку*» («Остров Борнгольм» [Там же, с. 661]); «*Государи мои!* Вы читаете не роман, а *быль*: следовательно, автор не обязан вам давать отчета в происшестввах. *Так было точно!*.. – и более не скажу ни слова. К стати ли? У места ли? Не мое дело» («Рыцарь нашего времени» [Там же, с. 761]).

Эпистолярность в произведениях Н. М. Карамзина является основой автохарактеристики, средством построения характера, выполняет характерологическую функцию, раскрывая психологическое состояние героя. Пишущие герои Н. М. Карамзина эксплицируют эту функцию письма, ярким примером в данном случае может послужить «автор» письма к издателю «Вестника Европы» под названием «Моя исповедь». В данном произведении на первый план выходит самоценность факта письма, желание говорить о себе через письмо декларируется как единственная мотивация, а эпистолярный текст, несмотря на наличие очевидного адресата, становится актом автокоммуникации: «Признаюсь вам, государь мой, что я не читаю вашего журнала, а желаю, чтобы вы поместили в нем мое письмо. Для чего? Сам не знаю. Более сорока лет живу на свете и никогда не давал себе отчета ни в желаниях, ни в делах своих... Я намерен говорить о себе: вздумал и пишу – свою исповедь, не думая, приятно ли будет она для читателей» [Там же, с. 729].

В большинстве же случаев письмо становится косвенной характеристикой пишущего его героя, оно может дополняться комментариями автора-повествователя либо издателя, помещающего данные письма в своем журнале. Это касается ряда «писем», в реальности написанных Н. М. Карамзиным и размещенных им в «Вестнике Европы», и, например, повести «Чувствительный и холодный», где различия между двумя героями подчеркнуты стилистикой и содержанием их посланий (Ср.: «В тот же день он (*Эраст – Т. Ф.*) написал к Леониду: “О друг верный и бесценный! Поступок твой затмевает добродетель Сципионову; но смею думать, что в подобных обстоятельствах я сделал бы то же!” Леонид в ответе своем изъяснил сожаление о домашней его неприятности и сказал между прочим: “Женщины любезны и слабы, как дети; надобно многое спускать им; но какой благоразумный человек пожертвует старинным другом минутной их прихоти?”» [Там же, с. 748]).

Говоря о функции автохарактеристики, выполняемой эпистолярными текстами в прозаических произведениях Н. М. Карамзина, нельзя не отметить тот факт, что она играет важную роль и в процессе его реальной переписки с разными адресатами. При этом содержательно образ Н. М. Карамзина – автора письма (своеобразного пишущего героя) напрямую определяется адресатом и целью написания письма: в переписке с императрицей Елизаветой Алексеевной он стареющий, больной историограф, в письмах к И. И. Дмитриеву-министру – неравнодушный гражданин, список можно продолжать. Однако важнейшими и неизменными составляющими самохарактеристики Карамзина – автора писем остаются честность, независимость и верность гражданскому долгу.

Помимо характерологической функции эпистолярные включения в прозаических произведениях Н. М. Карамзина выполняют информативную функцию, в данном случае на первый план выходит понимание письма как эгодокумента, дающего необходимые сведения о герое, являющегося косвенным подтверждением подлинности информации. Таким эпистолярным документом, одновременно характеризующим героиню, является, например, письмо графини из повести «Рыцарь нашего времени». Отдельного внимания заслуживает отношение автора-повествователя к данному тексту, который всячески подчеркивает достоверность этого документа и его роль в повествовании: «я... расположен *верить* (*курсив наш – Т. Ф.*) следующему письму графини... Оно, за неимением других *биографических материалов*, послужит нам эскизом графининой истории... Последних десяти строк мы никак не могли разобрать: они почти совсем изгладились от времени; такие беды случаются нередко с нами, *антиквариями!* Но читатели имеют уже легкую идею *о характере, уме и правилах Эмилиш*» [Там же, с. 774-776].

Безусловно, эпистолярные мотивы, элементы структуры, письма-инклюзивы выполняют сюжетно-композиционную функцию в прозаических произведениях Н. М. Карамзина. Помимо использования эпистолярной формы в качестве жанровой основы повествования («Письма русского путешественника», «Моя исповедь» и др.), автор включает в повествование письмо как сюжетный элемент, такую роль выполняют письма, а также упоминания о них в рассказе героя «Моей исповеди» [Там же, с. 729-739] и в развитии событий повести «Чувствительный и холодный» [Там же, с. 740-754].

Нет сомнения в том, что эпистолярная форма занимает особое место в творчестве Н. М. Карамзина. Комплексный подход к анализу проявлений эпистолярности в наследии писателя позволяет делать выводы о сложности, многомерности, многофункциональности этого явления, которое необходимо рассматривать не только как значимую составляющую карамзинской поэтики, но и как репрезентативный феномен в контексте эпистолярности первой трети XIX в. и последующих периодов развития русской литературы и культуры.

Список литературы

1. Атанасова-Соколова Д. Эпистолярность А. С. Пушкина // *Litteraria humanitas. Alexandr Sergejevič Puškin v evropských kulturních souvislostech*. 2000. С. 125-139.
2. Берков П. Н., Макогоненко Г. П. Жизнь и творчество Н. М. Карамзина // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2-х т. М. – Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 5-77.
3. Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2-х т. М. – Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. 810 с.
4. Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений: в 18-ти т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. Т. 18. Письма. 624 с.
5. Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1966. 419 с.
6. Логман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1966. С. 5-51.
7. Подойнищина О. Э. Поэзия Н. М. Карамзина: темы и жанры: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2012. 15 с.
8. Сапченко Л. А. Эпистолярный жанр в карамзинском наследии // Гуманизация и гуманитаризация образования XXI века. Проблемы современного образования: материалы 13-й Международной научно-методической конференции памяти И. Н. Ульянова (18-19 октября 2012 г.). Ульяновск, 2012. С. 75-80.
9. Сукайло В. А. Труды и дни Ивана Дмитриева. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. Кн. 1. Хроника. 960 с.
10. Тираспольская А. Ю. Повести Н. М. Карамзина 1790-х годов (проблемы повествования): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2005. 23 с.

11. **Топоров В. Н.** «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М.: Издат. центр РГГУ, 1995. 551 с.
12. **Троицкий Ю. Л.** Эпистолярный дискурс в России XIX века: пощечина, розыгрыш, дуэль // Традиция и литературный процесс. Новосибирск: Изд-во СО РАН; Научно-издательский центр ОИГГ СО РАН, 1999. С. 460-469.
13. **Фрик Т. Б.** Эпистолярный Н. М. Карамзина сквозь призму образов автора и адресата // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1. Ч. 2. С. 198-201.
14. **Шаврыгин С. М.** Жанровое своеобразие Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» // Карамзинский сборник. Повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: проблемы изучения и преподавания. Ульяновск: Изд-во УлГПУ, 1999. С. 17-28.
15. **Шмид В.** Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

A LETTER IN POETIC AND PROSAIC WORKS BY N. M. KARAMZIN

Frik Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology
Tomsk Polytechnic University
tfrik@tpu.ru

The article is devoted to the problem of defining the specificity of existence of an epistolary genre in the heritage of N. M. Karamzin. The epistolarity is considered as an integral characteristic of the Karamzin creative method. On the basis of the analysis of the writer's poetic and prosaic works the conclusions are made about the forms of manifestation of epistolarity, their main functions, and also the character of interconnection of the letter as a literary form with a real epistolary practice of N. M. Karamzin.

Key words and phrases: epistolarity; letter; message; epistolary genre; Nilolay Michailovich Karamzin; a writing character.

УДК 821.16; 82.09

В работе впервые поставлена проблема диалога и межлитературной коммуникации в критических статьях известного татарского писателя Аделя Кутуя в 20-30-е гг. XX века. В основе диалогического понимания межлитературных отношений в статье А. Кутуя «Влияние русской литературы на Г. Тукая» (1928) раскрывается идея равноправия национальных литератур, творческого характера восприятия Тукаем произведений русских авторов.

Ключевые слова и фразы: диалог; коммуникация; русская литература; татарская литература; читатель.

Хабibuллина Алсу Зарифовна, к. филол. н., доцент
Нагуманова Эльвира Фирдавильевна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Alsu_Zarifovna@mail.ru; ehlviran@yandex.ru

ДИАЛОГ И КОММУНИКАЦИЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ АДЕЛЯ КУТУЯ (20-30 ГГ. XX ВЕКА)

В настоящее время, когда происходят значительные изменения в области взаимодействия разных литератур и языков России, все чаще в компаративистике обсуждаются вопросы межлитературного диалога и коммуникации.

В работе Я. Г. Сафиуллиной о межлитературной коммуникации проводится идея о том, что «коммуникация тяготеет к деконтекстуализации литературного произведения, к освобождению его от автора, от связей со временем написания, от последующей собственной истории» [4, с. 26]. Деконтекстуализация также оказывает противоречивое влияние на взаимоотношения разных литератур в воспринимающем (читательском) сознании, т.к. «фразные литературы, отлученные от своих национальных контекстов, легче контактируют в одном пространстве, оказываются более простыми переходы от одной из них к другой» [Там же]. Вместе с тем деконтекстуализация расширяет поле того общего, что возможно в разных литературах, усредняет и упрощает это общее.

Явление коммуникации во многом противостоит межлитературному диалогу, который, в отличие от первой, способствует обмену идеями, образами, художественными формами и другими эстетическими ценностями. «В диалоге – признание каждым из его участников другого (иного, чем он сам) и совместный путь к знанию, смыслу, не обязательно завершающийся согласием» [Там же, с. 23].

Рассмотрим, как на материале татарской литературной критики находит проявление коммуникация и межлитературный диалог. В качестве фактического материала обратимся к статье А. Кутуя «Влияние русской литературы на Г. Тукая» (1928), а также к его юбилейным работам, написанным в 30-е гг. XX в., которые посвящались личности и творчеству Лермонтова.

Следует отметить, что в свете ключевых понятий современной компаративистики – межлитературный диалог и коммуникация – творчество А. Кутуя не исследовалось вообще; также мало изученным остается вопрос о специфике восприятия им русской литературы, как в его художественном творчестве, так и в критике.

Внимание А. Кутуя как критика к русской литературе начинается в 20-е гг. XX в. Необходимо отметить, что к этому времени социологическая тенденция в литературе еще не стала определяющей, что позволило ему, как и многим татарским писателям, создавать творческие, свободные от идеологических установок, работы. К ним относятся критические оценки Г. Ибрагимова, Ф. Бурнаша, Х. Вали.